

ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ЧЁРНЫЙ ЮМОР ОТ АМАЛЬТЕЯ НОВА

16+

Амальтея Нова

Вопрос Жизни и Смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60547716

SelfPub; 2020

Аннотация

Судьбоносное предназначение может иметь разный характер... Верно! Например, характер Майи – крайне скверный. Может быть, потому что она восставшая из мёртвых, а может у сего обстоятельства были и другие причины. Так или иначе, это стоит выяснить. С такими намерениями, сбежавшая из могилы блондинка угоняет катафалк своего родного кладбища и выезжает в город искать проводника душ... Да, не стоило милой Анне Стэйтмент играть с тёмными призывами и ритуальными свечами, наказание за это будет суровым – она познакомится с проблемными мёртвыми.

Содержание

1 глава.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

1 глава.

Мистика

Первой встретила Темнота. Затем был Холод. Они объединились и породили страх.

Она проснулась резко. Словно в грудную клетку вставили стержень и им же подняли, но последующие попытки встать, замкнутое пространство встретило узкими преградами, и тело вновь улеглось на мягкое ложе.

Холод конечностей, по которым пробежал удар молнии, судороги боли и стон с первым вдохом.

Широко распахнутым глазам открылась тьма замкнутого шелкового пространства. *Только что пробудившаяся ото сна* не поверила ощущениям, не желала никак верить, начав ворочаться и постанывать от осознания страшного. Руки, что тряслись от перенапряжения и ещё плохо слушались, обводили контур обивки из атласного шёлка – по бокам ладони упирались в продолговатый каркас, не позволяющий выпрямить локти.

Не желая смириться, те же самые руки продолжили искать пространство для себя и хозяйки, ударяясь в замкнутость со всех четырёх сторон. Осознание и в темноте стал слышен всхлип застрявшей. Быстрое обследование потолка только усугубило взвинченное состояние – слишком мало место и

дуговая крышка, обтянутая мягкой тканью.

– Дьявол, нет... – голос хрипел и сопротивлялся повторным попыткам им овладеть. – Только не это...

Закрытое пространство с четырёх сторон подходило только для сокрытия тела, на большее "создатели ловушки" места не предназначили. Темнота, дорогой атлас и тишина...

Кто бы так ни пошутил, шутка была нечеловечески ужасная. Истерика подбиралась незаметно, как раз в тот момент, когда нужно было успокоиться и попытаться подумать. Но разве ждёт избранная природой лань своей участи... Верно, она как раз то странное животное, что ожидает своей участи, ощущая как хищник, тот самый зверь, стоящий в тени, её убьёт. Так и истерика, её чувствовали, она и нападала – из тени, бесшумно и кровожадно. Это привычное каждому поведение, это этап, через который требуется пройти, нужно было подумать, полежать и расслабиться. Смириться с неизбежным.

Любую девушку часто сравнивают с кроткой ланью, но конкретно "эта", почему-то была какая-то неправильная. От всхлипов и жалости к себе она быстро перешла к яростному раздражению. "Да с какого ****?!", "Какого чёрта её тут заперли!".

Стиснутые зубы, шипение, яростные вопли и, ограниченная в передвижении, особа со всей силы ногами и руками ударила в потолок саркофага. Тот ощутимо скрипнул. Её это не остановило, и целенаправленные удары в потолок продол-

жились.

Попадись ей тот, кто сюда уложил!

Все секунды борьбы она жила мыслью навалить уроду, придушить, разорвать в клочья, оторвав для начала кровожадной коллекции жизнепродолжительные органы или головы.

Результаты двух последних ударов возымели действие, пройдя заслон атласа, сжатые кулаки ударились в тонкое дерево и проломили преграду. Скорлупа раскорёженного саркофага треснула и в месте удара, из чужеродной среды, посыпалась ... холодная песчаная почва. Героиня самого настоящего ужастика, промышлявшая разрушениями собственного захоронения, только сейчас осознала, что-таки – да, это было захоронение. Но вместо ожидаемой паники, ею единолично стала править ярость.

Недоумки! Все! Найти каждого и убить!

Последовал второй удар по трещине, через которую в темноту просочился песчаный заслон. Третий и потолок прогнулся, проломившись в трёх местах. В закрытый салон рухнула земля, перекрывая возможность свободно шевелиться.

Нужен ли воздух, спасительный воздух? Наверное, да – решила про себя "выживающая в опасных условиях" и стала яростно взбивать землю, как полудохлая лягушка, делая сметаной скисший кефир.

Холодный, влажный земляной покров был не то, что морем – в шторм тянувшим корабль на дно – он был удуша-

ющим песком, перекрывающим любые попытки выбраться. Шла борьба не на жизнь, а на смерть. На смерть, с которой девушка была несогласна.

Она формировала фундамент для побега, проминая под ноги земляной пол и хороня одиночный саркофаг позади. В борьбе со стихией мешалось платье, слишком большое, чтобы продолжать борьбу вместе. Оно тянуло назад, словно воплощая идеи высших сил, не давая выбраться на поверхность жизни. Закреплённое "намертво" оно стало второй кожей, волосами, что зацепились за дверь каюты и тянули утопающую на дно вместе с кораблём.

Бессчётное множество попыток, замёрзшие пальцы, ярость борьбы, и рука выбралась на поверхность. Из беспокойной могилы в свете лунного света показалась кисть девичьей ладони, на мгновения замерев, ощутив свободу ночного воздуха, не стеснённого толщей холодной земли. Свобода кисти, что, размявшись, вцепилась мёртвой хваткой за поверхность, подтягивая к ней остальное тело.

Тёмной ночью в придорожном кладбище, что машины проезжали стороной, а жившие недалеко городские жители навещали редко... Произошло странное начало истории.

У недавно отпетой могилы, засаженной редкими, но дорогими цветами, началось движение. Под взглядом невнимательным к деталям диском Луны, у надгробия появилась

горка, из неё кисть руки... Локоть, затем второй, и на свет полуночного светила появилась голова, засыпанная землёй.

Тяжёлый стон стараний, и с небольшой передышкой борьба за жизнь продолжилась.

Возможно, выполняя Луна надзор столь же тщательно, как и Солнце, подобного бы не случилось. Но ленивое светило покровительствовало мистике, устало оббегаая горизонт, не выделяя преступления и наказания, тем самым создавая наутро проблемы ответственному брату – солнцу.

Девушка, что поборолась себя, стихию и саму жизнь, сейчас находилась на грани, буквально. Ноги с подолом огромного платья оставались в земле, но верхняя часть тела, животом улеглась поверх раскорёженного покрова, подтягивая себя к новой жизни. Опять же, буквально.

Высвободив из-под подола ногу, она создала себе опору из стоящего рядом постамента, и с перекатом отползла от одноместной тюрьмы – места её носильного удержания вдали от общества...

Луна осветила разрытую изнутри могилу и блики атласной ткани, засыпанной крошкой чёрной земли.

Общество... точно...

Девушка, поглощённая внезапным пониманием, чётко осознала, что ей срочно нужно в общество. Почему? Да непонятно, но тянуло сильно. Сейчас, не останавливаясь, к

людям, к свету быстрого города. К жизни...

Лунный диск, проплывая над землёй, вернул своё рассеянное внимание пригороду и лениво наблюдал за развалившейся на кладбище девушкой в дорогом платье из перламутра. Она лежала и смотрела в небо. Только что выбравшись из могилы, теперь она прислушивалась к собственным мироощущениям, пытаясь осознать, почему её тянет в город.

И это только здесь, в пригороде... Сколько же ещё странностей наблюдал Луноликий никто не знает, он и не рассказывал, не желая иметь дело с лишней суматохой, приехавшись оставаться лишь сторонним наблюдателям. Каждую ночь он давал шанс потусторонним сущностям завоевать мир, а наутро Солнце вынужденно разгребало кавардак и хаос, которому он не препятствовал. Так и сейчас, девушка в полу-свадебном погребальном платье села, оперившись на локти и для себя решила.

– Пора валить!

Медленно и почти невесомо к ней возвращались обрывки... Прошлой жизни с присущей ей жестами, складом характера, манерами нестандартно мыслить и, самое главное, умением высококлассно хамить.

Она посидела на холодной земле, окружённая грудой материи, совсем недолго, слишком быстро осознав, что шуткой это не было. Похоронный марш, погребение и сон – всё это часть завершённого цикла, который девушка прошла, но она почему-то вернулась в мир – разорвала замкнутый круг,

преследуя какую-то цель. Эта неведомая тяга подняла после кончины личности—какое-то скрытое от чердаков сознания важное дело, что требовало её вмешательства.

Она прибыла в мир живых – первый этап был пройден. Теперь нужно двигаться к дороге и уехать, куда она пока не помнила. Вспомнит, обязательно. Но путь этот ей откроется со следующим этапом. Нужно покинуть кладбище. Там дальше ей будет доступно новое озарение. Сейчас в мыслях лишь одна цель покинуть, убеждать, смыться.

Не упокоенная зашуршала одеянием и встала, покачнувшись, на... недоверие к собственным ощущениям... на каблуках. Да кто хоронит в каблуках? Хотя, возможно, это была её последняя воля, как говорится – в её стиле, пафоса в этом капризе хоть отбавляй.

Отдёрнув низ платья, она в тусклом свете ночного диска разглядела бляшки и форму туфель – шпильки. Последняя модель, прям как она сама. Откинув свисшие при наклоне пряди волос, она осознанно ухватилась за них вновь. Длинные, жёсткие локоны: блондинка – всё, как и при жизни.

– Отличное начало, с этим можно жить, —мёртвая девушка облегчённо выдохнула. Любой другой цвет требовательная особа её подвида не перенесла бы, а так, словно дополнительная уверенность появилась – теперь можно действовать, то есть валить с кладбища.

Первые шаги дались непросто, а закончились падением. Ноги и так перенапрягались от стоячего положения, непри-

вычные к нагрузкам спустя продолжительное количество сна.

Но нужно было в город. Требовалось выйти к фонарям и машинам, сейчас и немедленно, для получения информации о предназначении, скрывающимся за вторым этапом.

Упёртость в достижении целей, решительность и умение грязно играть остались её отличительными качествами и после смерти. По сути дела, всё было так: вот она встала, вот она решительно пошла, вот она испачкалась, как только могла. Привычно бросила все ресурсы для победного рывка: стать капитаном команды чар-лидеров, всё для завоевания популярности в школе, гори оно розовым пламенем – быть лучшей, потому что ты лучшая!

Словно впервые встав на каблуки, она заковыляла подальше от захоронения.

Трудности закаляют характер, особенно если ты на кладбище и волочишь за собой платье, только что встав из могилы. При ходьбе оно сильно сдавливало бока и норовило вернуть хозяйку под землю, цепляясь за надгробия и цветочные выступы. Шедевр последнего облачения большой грудой ткани волочился по земле и мешал мёртвой искать путь к населённому пункту и к предметам господства цивилизации: интернету, скандальным тв-шоу, и закусочным на дорогах. Почему она помнила все мозгодробительное безобразие, но не видела своего пути до получения второго этапа – ей было неизвестно, бесило невероятно, но заставляло двигаться.

Рыкнув в тишине своего последнего пристанища, каким стало отдалённое от населённых пунктов кладбище, блондинка свирепо принялась рвать мешающее ей платье по швам, освобождаясь из ловушки тугих кружевных и шелковых материалов.

– Да что б вас, – зарычала на всё кладбище ново-воскресшая нечисть, запомнившаяся при жизни своим сложным характером и отсутствием манер, пропасть от которых она изрядно подчёркивала наглостью, столь ярким слоем, какой и ложился на её узкие губы красной помадой.

С разрывом ткани блондинка повалилась на землю, окутанную мистическим туманом, поправ правила приличия, и разбив вазы с цветами на возвышении кошачьего холмика. Именно кошачьего!

Запутавшись в тканях, она сдула с лица опавшие локоны – тугой причёске приходил бесславный конец. И подняла голову. Перед ней, нос к носу, возвышался в двадцать сантиметров от плиты монумент большого кота, с высокомерной мордой отказывающегося от миски высококлассных сливок. Почему высококлассных? Да сделаны они были из стекла, закрытые железной каёмочкой с надписью «Бурсик». Сам кот был не рад ничему и при жизни, прекрасно демонстрируя пренебрежение даже после смерти. Почему пристанищем стало человеческое кладбище спросить было не у кого, хоть руки чесались повьяснять отношения.

– Даже уточнять не буду, где меня положили, – ошара-

шенно подала голос воскресшая, пару секунд изучая надгробие, а после вставая для продолжения намеченного пути. Но неприятности со смертью не закончились, закон подлости, как и гравитация, действовал на всё живое и неживое. К какому бы виду себя ни относилась обозлённая девушка, но с поворотом вокруг своей оси в поисках «выхода с неудачной вечеринки», она застряла каблуком в продолговатой каменной плите.

В тиши мирного тумана разнёсся продолжительный и насыщенный эмоциями мат. Нецензурная лексика сводилась к попыткам осознать причину невезения и должным образом пострадать над стоимостью испорченных туфель. Настроение падало, это как проснуться утром и встать не с той ноги – весь день насмарку, тут почти так же, но с поправкой на жизнь.

Вдоволь попинав монолитные плиты и похоронив платье с каблуком в сырой земле забытого кладбища, блонди с распадающейся причёской направилась искать выход из этого захолустья. Не в первый раз попала она на закрытую вечеринку, недостойную её статуса, – но выход есть всегда, – повторяла она себе в таком случае, главное – должным образом организовать скандал, стравить хозяина с гостями и вовремя свалить до прибытия копов. Как это организовать в божественном исходе – дело рук находчивого таланта.

Скитания вдоль границ не расчищенных тропинок вывели её к заборам, что сторожили покой живых и мёртвых, огра-

ничивая их миры в общении. Нетерпеливо постучав целым каблуком по гравию, она звонко цокнула язычком и вынужденно развернулась, как рыбка, уперевшись в стенку аквариума. Пришлось возвращаться тем же маршрутам, проходя уже знакомые надгробия, что ей казались различны и в то же время похожи, как новоприбывшим жителям дома в большом городе.

Потоптавшись на месте истязания платья, она перешагнула через горы атласа, что серебрились в свете Луны и туманна, и пошла в противоположную сторону, в этот раз угадав с вектором поиска. Через пару минут плутаний по ограждениям памяти она завидела пристройку, что служила рабочим местом тем, кто присматривал за вечно спящими. Усмехнувшись про себя, девушка, никогда не страдающая чувством вины, решила на злейшую шутку. В окне горел свет.

Небольшая сторожевая будка была способна вместить от силы семь человек, если бы им не предложили присесть и заставили стоять, олицетворяя столбы возмущения и праведного гнева. Открыв калитку, отчего та скрипнула старым деревом, «поднятая от не такого уж и вечного сна» девушка направилась к двери и, преодолев три скрипящие ступеньки, вошла на территорию власти света одной лампы и телевизора. Никого другого в комнатухе не было.

На стенах криво висели полки с блюдами, в углу пряталась хлебница и одинокий чайник. Судя по приготовленным на столе закускам и дымкой от только что заваренного чая,

хозяин решил посмотреть футбольный матч за едой и качественно приготовился. Вот только спортивные трансляции шли без его наблюдений, тихо сообщая о размене счёта и пасах нападающих.

Не страдая фанатизмом ни к какому спорту, наукам и даже не имея достойного хобби при жизни, Майя покрутилась в центре чьего-то жилища и заприметила зеркало. Оно было в углу между дверью и стеной, потому сразу не привлекло внимания. Но не сейчас...

Майя, пару секунд назад вспомнив своё имя, пыталась набраться храбрости и заглянуть правде в глаза – в зеркало. Заглянуть и принять себя новую, не закопать заново в толщу земли, воя над проделками времени. Она должна была перебороть страх, ведь ею уже двигила цель и без её достижения она не будет знать покоя ни на том свете, ни на этом.

Первой в отражающей прямоугольной поверхности появилась рука, что нарисовавшись бледным отливом-оттенком продолжила до плеча. Границей сердечного приступа стала ткань изодранного платья, перепачканного в земле. Успокоившись, что это стало не самым страшным открытием, на которое только была способна природа в её случае, Майя присела и исподлобья показала зеркалу лоб и глаза. Зелёные ободки радужки, сокрытые тусклым цветом когда-то ярких оттенков, охраняемые усталыми глазницами. Красивые бледный лоб, ровный нос, чёткие скулы и с возвышением в полный рост в зеркале – появились губы и подбо-

родок хорошо сохранившейся девушки. Победно усмехнувшись, Майя подмигнула отражению, отчего зеркало тут же треснуло, испортив настроение отражаемой в нём воскресшей.

– Да больно надо, – отреагировала девушка, отряхивая плечи от посыпи земли и разворачиваясь к двери. За своим отношением к зеркальной поверхности её застал тот самый сторож, что не вовремя вернулся с отдалённой части кладбища, где справлял позывы природы, не мешая сну почивших.

Впервые в его практике одна из них решилась на более тесное знакомство, прибыв к нему в сторожку. На втором плане стыл чай и звучал футбольный матч и только это было неважным, ведь в центре комнатки в изодранном платье с землёй на плечах и голове стояла воскресшая, и смотрела она на сторожа, что отсчитывал собственные удары сердца. Оно всё никак не могло решиться биться чаще привычного ритма или замолкнуть и слиться в беззвучии непростой местности.

С её выжидательно вздёрнутой бровью, сторож что-то для себя решил, но озвучивать не стал, грохнувшись в обморок у ног полуночной гостьи.

– Мда, – дала характеристику произошедшему Майя, оглядывая коморку на предмет необходимых ей вещей. Взгляд зацепился за кошель, телефон и ключи от автомобиля. Собрав результаты поиска, она перешагнула через лежа-

щего хранителя и по скрипучим ступеням спустилась к туманным просторам молчаливого храма.

Побродив по натыканной памятниками местности, одержимая мстью неупокоенная душа нашла автомобиль – настоящий катафалк – и разблокировав, села на водительское сидение.

Колымага – по-другому не назовёшь. Машина или нежить автомобильного производства, отказывалась заводиться, как бы сильно блондинка ни поворачивала ключ. Ставя себя в пример и несвязно причитая, полумёртвая угонщица кладбищенского транспорта пыталась его завести. С проклятиями в отношении руля и датчиков скорости, она наконец услышала звук заведённого мотора, тут же включив дальний свет.

– Не, ну можешь, когда хочешь! – отметила блонди, не рискуя смотреться в зеркало заднего вида. Все её нутро требовало выехать на дорогу и направится в определённом направлении. Что её там ждало – было неизвестно. Но тянуло сильно.

Потыкав кнопки на бардачке, она проверила педали. Одна из них должна была служить тормозом, другая – вроде наоборот. Слова и значения то вспоминались, то пропадали, да и неважно. Учитывая модель машины, оставшаяся педаль тоже была тормозом, только более мощным, чем первая.

Первая попытка сдвинуть машину с места не увенчались ничем, как бы сильно не вдавливалась девушка педаль дви-

жения в пол. Попинав её вдоволь и с запалом переключившись на другую, она вжалась в руль, видя, как близко приближается стоящее в десяти шагах дерево. Глухой ночью, то самое корневое ветвистое создание леса и не ожидало такой подставы, как врезавшийся автомобиль с мёртвой девушкой за рулём.

От удара металла, погнувшегося как жестяная банка при знакомстве с деревом, раздался треск.

– Ну, – подняла голову блонди, криво осматривая дымившийся капот. Он не внушал надёжности с первых минут, теперь и вовсе планировал сдохнуть. Словно оправдываясь перед теми, чей покой могла нарушить, она картинно развела руками. – Никто же не пострадал! – Намекала на себя и подвигав переключатели скоростей, решила дать назад.

Как раз в это время, напоследок звучно скрипнув, единственное кладбищенское дерево упало в обморок. Ну как там бывает, с корнями, да погнув забор и порушив что-то на той стороне.

–Пардонти, – промычала, ничуть не смутившись, плохо воспитанная, многократная победительница конкурсов красоты. – Я тебя не заметила... – Более не тратя время и поняв систему работы одноместного катафалка, она дала назад и плавно выехала с ограждённой территории.

Во тьме полуночи с отдалённого кладбища на главную до-

рогу выехала машина и везла она в спящий город целый ворох сплошных неприятностей, облачённых в изодранное белое платье и дорогие туфли со сломанным каблуком.

Дорога встретила мягким асфальтом и полуночной пустотой. Натерпевшаяся машина вскарабкалась на залитый битумом постамент и приятно заурчала, продолжая неспешное движение, пока временная хозяйка пыталась понять, что ею движет. Философский вопрос, для оживлённой с кладбища более чем принципиальный и требующий вдумчивости. Для машины тоже, она же негласно становилась участником этой странной истории, пусть и была сюжетообразующим, неодушевлённым предметом. Если не случится непредвиденных обстоятельств, именно ей придётся вести неодолимую странницу всю её дорогу, и будь катафалк – машина живая, с радостью бы предложила ей безопасные маршруты, вдали от деревьев, горных трасс и рек. Но в ту ночь на пригородном кладбище оживили лишь одно существо, именно она и задавала маршрут.

Майя держала ногу на педали, считывая обрывки фраз и образов, что давал ей второй этап «жизненного пути». Голоса, тепло эмоций, привязанности, что, мелькая, исчезали, забирая с собой и уже далёкие зовы страстей и оковы привычного поведения. Мелькнув, воспоминания исчезали навсегда, уже не грея мёртвое сердце, а лишь сообщая сведения для освоения. Зачем она вернулась?

В чём смысл её возвращения? Почему ей нужно ехать впе-

рѐд по этой дороге?

Сквозь наложенные световые чары воскресшей памяти она увидела улыбчивое лицо незнакомой девочки. Она бегала по траве и заправляла луговые цветы за волосы. Улыбка, ещё одно действие с волосами и вновь улыбка. К ней тянуло. Она была как солнце, подарив с улыбкой трепет угасающих чувств. Как же её звали? Майя напрягала голову, проверяя воспоминания раз за разом, но голоса были лишь фоном, а картинки с разных ракурсов повторялись.

Машина словно боялась потревожить притихшую угонщицу, решив сотрудничать в обмен на подобие жизни. Катафалк медленно приближался к заставам города. Светодиодные фонарики ближайших забегаловок собирались в пригласительные слова, в то время как двери магазинов были наглухо закрыты. Диссонанс упоительной развлекательной программы для всех детей, как гласила вывеска, пролетал перекасти-полем по пустынной парковке. Но угонщицу катафалка это не беспокоило. Ей вообще было всё равно, волновала лишь цель, что никак не формировалась, но для достижения требовала определённости. С этими мыслями стоило «переспать», но наспалась она вдоволь, поэтому решила испробовать второй беспроектный вариант – шопинг.

После полуночи, криво припарковав катафалк на парковке для родителей с детьми, блонди зашуршала награбленными у сторожа вещами. Кошелёк был небольшой и не содержал желаемого, за лёгкой застёжкой обнаружили лоте-

рейные билеты, фантики от дешёвых жвачек и переписанные контакты «неприличностей по телефону».

– Тогда шопинг за счёт магазина, – подвела итог блонди, не в первый раз устраивая закупки на чужие деньги. Захлопнув бардачки и взяв с собой отжатый телефон, она вышла из автомобиля для «смелых» и «сильных духом», напоследок хлопнув дверцей. Закрывать ключом не стала, верно решив, что психов угнать такой транспорт в тёмную полночь не найдётся.

Посвистывая и пытаясь настроить мобильник, она добрела до первого магазина одежды, оперевшись в стеклянную витрину. От отсвета далёкого фонаря, на стекле дешёвого бутика отразилась девушка в коротком изодранном платье, удерживающая против воли и требующая послушания у взятого в заложники телефона.

Отражение повторило движение особы, стряхивая с волос комья земли и пыли. Покрутившись, пришедшая к дверям магазина, решила сменить образ восставшей мёртвой на крутой, кричаще-крутой восставшей мёртвой. Кожаная куртка, видневшаяся в дальнем углу магазина как раз отвечала её запросам.

Глубокой ночью, на парковочной зоне развлекательного городка раздался звон разбитого стекла и слабый вой сирены. Звуки одиночного ограбления продолжались минут пять, с небольшой задержкой на необходимость грабитель-

нице примерить, покрутится перед зеркалом и дополнить образ стервы с дороги.

Завершив образ чёрными очками, от которых сносило крышу даже у мёртвой, она покинула магазин через дыру в витрине, оттолкнув от себя покачивающегося манекена.

На асфальт с той стороны побитого стекла опустились чёрные каблуки с удобной толстой ножкой. По тем же суровым ногам завоевательницы ночи, плавно заскользили дешёвые обтягивающие кожаные лосины, накрываясь кружевной чёрной майкой и чёрной кожаной курткой. Распушенные и отряхнутые от земли волосы струились локонами в лучших традициях пародий змей горгоны. Водрузив очки на голову, она уверенно направилась к ожидающей её авто.

Катафалк сдался на милость сильнейшей и начал движение, в поворотах против правил дорожного движения звучно скрипнув шинами и оставляя на место преступления чёрный след.

Рефлекторные движения на панели передачи и машина выехала на трассу, двигаясь в сторону ближайшего города. Плохо освещённые вывески косвенно намекали, что путь предстоял неблизкий и путники должны делать остановки в рекламируемых гостиницах и отдохнуть в обозначенных закусочных. Цокнув языком, Майя провела взглядом очередной хот-дог в кругу семьи, и ушла в свои мысли. Что её тянуло и кем для неё была та девочка?

За этими думами она проехала четверть штата, встретив рассвет. Солнце поднималось медленно, словно давая шанс нечисти убежать и спрятаться до того, как оно войдёт в зенит. В то же время убивая страхи, что успели сгуститься над миром за тихую ночь, и отчищая землю тёплыми рассветными лучами. Майя не желала сворачивать с пути, к чему бы из перечисленному она не относилась, и на внимание солнечного круга лишь криво улыбнулась сомкнутыми губами, водрузив против бьющих в глаза прозорливых лучей чёрные очки.

На границах пустынных афиш и редких деревьев, стал встречаться песок. Плакаты уже не звали есть или отдыхать, рекламировались правила безопасности в жару и противо-ядия к укусам погремушечных змей, занесённых в Красную книгу. Нет, ну бред такой она помнила, а вот цель в жизни – нет. Покачав головой, она продолжила бы ехать, да машина стала сдавать обороты, как стук сердца, красным диодом выделяя на счётчиках сигнал о нехватке бензина.

И, отвратное наблюдение, ближайших заправок нигде не было. Как туда вёл песчаник, так и сюда, а заправок – нет. Остановив авто, она вышла на шоссе. Пройдясь воль раритета 21 века в готическом стиле, блонди прилипла к стеклу задних сидений. Внутри, под продолговатым постаментом, в горах тряпья и мусора были запрятаны баки с бензином.

Спустя пятнадцать минут она доломала третий ноготь, но водрузила бак на положенное место, начав кормить исто-

щавший катафалк. Проезжающие мимо туристы останавливались пофотографировать и познакомиться, но она была не в настроении, всем и каждому отвечая «не в этой жизни».

Под свисты и аплодисменты очередных выскочек, она перевернула пустой бак, выбросив использованный пластик на дороге. Отряхивая руки от маслянистой жидкости дурного запаха и цвета, девушка устроилась на водительском сидении, стартанув.

С залитым двигателем ехать было приятней, но она не обращала внимания на эти мелочи, сосредотачиваясь на пути, что требовал от неё внимательности: не дорожной, а эмоциональной. Где-то на подъёме... Она должна была найти определённое место на подъёме... Туда тянуло... Сейчас...

Подъём мелькал вдалеке и устлался побеждённой горной змеей, вынужденно служившей за проигрыш проездным путём к небесам. На подходе к заездам она встретила пробку из авто, судя по мелькавшим чёрным коровам, разрулить ситуацию ни у кого не получалось. Постучав пальцами с полуманскими ногтями по ободку руля, Майя с поворотом головы увидела прорезь в редком лесочке и дорогу, что открывалась по ту стороны. Не думая много, точнее – вообще не став думать ни о чём прочем, она развернула смертоносную машину, направив покарябанный раритет к желанному пути.

Свернув с дороги, не проехала и ста метров – затормозила – остро почувствовав, что потерялась.

Как навигатор, лишившись сети интернет, сбила заложен-

ный маршрут, застряв на границе зоны действия. Паника наступила мгновенно, дав силы ощутить эмоциональный зов и необходимость вернуться. Блондинка в кожаной куртке резко развернула авто, проскакивая меж деревьев и, скрипя шинами, вылетая на свободную трассу истинного пути. Позади её разгона всё ещё толпились коровы, не давая участникам транспортного движения засечь манёвры уничтожаемого катафалка, но позволяя водителям формировать догадки о том, что могло вызвать скрежет асфальта.

Подводя нехитрые итоги, цокающая от перенапряжения, девушка осознала, что во время движения чувствовала отголосок целенаправляющей определённости, ставшей недоступной после манёвров. Это означало, что менять требуемого маршрута было нельзя. В противном случае – путь терялся, и она рисковала потеряться вместе с ним. Почему-то это казалось важным – не потеряться.

Анна Стэйтмент, пока еще не знакомая наступающей истории девушка, медленно, но верно, становилась участницей событий. Утром она приготовила завтрак, попрощалась с отцом, что уехал на работу, а после своих забот по дому, выехала в горный лес, вновь проверять стабильность бездействия псевдонаучных учений.

В перевалах она припарковала машину и, рассевшись на земле, принялась разбирать приспособления из саквояжа: черные рунические свечи, спички и книги, купленные у тре-

тъей руки, столь же нечестивой, как и первые две. С мерцанием фитилей, она зачитала стих, думая о колледже, возможно будущем красавчике-парне и далеких вступительных испытаниях, никак не о проблемах, что призывала своими черно-руническими шалостями.

Подъём на змееподобный серпантин штата Арнадас – традиционно предполагал эмоциональную подготовку. Этому способствовали очень большие пробки у основания горы, в отсутствии возможности справить нужду в редких лесочках; прямая возможность пободаться с пасущимися чёрными быками; лишиться автомобильных прав на проверке удостоверений у границы. Нужно ли говорить, что горы не терпели слабины и звали только сильных духом, уверенных в своей психологической стабильности, прочности капотов и достоверности своих документов.

Пройдя три этапа проверки, любому путнику давался один бонусный – скрытый и весьма опасный, название ему – пробочный серпантин. Страшное понятие для гонщиков и любителей свободы и вполне приемлемый для многодетных семей, направлявшихся на совместный отдых. Этот вид психологического экстрима предполагал большой автомобильный затор на десятки километров змеиного пути.

И пока большинство машин в прорезях широких окон демонстрировали поющие счастливые лица детей и взрослых,

одна конкретная собирала вокруг себя всю плохую энергетику горы, концентрируя её в десятки раз.

Катафалк двигался со скоростью дохлой улитки и демонстрировал ярость орды воскресших спартанцев, со скрипом колодок навевая гневный похоронный марш.

Сидящая за водительским сидением девушка по возможности подрезала счастливых водителей, демонстрируя нервно сглатывающим большой палец левой руки – словно говоря «ты сделал правильный выбор», и в обход очереди поднималась выше. Двум из них – верующим в лучшее – казалось, что пускать катафалк к небесам не полагалось, но он так уверенно маневрировал, что спорить они побоялись.

И вот, несмерившейся крысой во чреве горной змеи, он прокладывал себе путь к вершине – ожидая выехать на какое-то пространство, что скрывал горный путь.

Анна Стэйтмент вновь не получила визуального удовлетворения от произнесения колдовских фраз из черных книг – не было густого дыма, освещенной пентаграммы или сдвига камней по нарисованной схематичной фазе. Лишь привычная ей тишь...

Стоило уже признать, она и сама не верила, что они срабатывают, но раз за разом повторяла стишки, да что там – целые поэмы ведьм и заклинателей только бы отвлечься от своих дум. Захлопнув книгу, она задула свечи, убрала всё в кар-

тонный саквояж. Занятая одинокими сборами в тиши леса, она насторожилась от внезапного хруста веток позади себя.

Неужели её кто-то преследовал с дороги от дома?

Как ни странно, но чем ближе к заданной точке приближалась Майя, тем сильнее она чувствовала, что опаздывает. С каждым поворотом она невольно ускорялась, в смазанном пейзаже пытаясь вычленить, что же её так тянет и требовательно зовёт на вершину.

После долгой гонки в сознании прозвучал звон рассыпавшихся искр – наступила эмоциональная тишина, и ей открылся вид на небольшую парковку в горах. Она располагалась столь удачно, что, примостившись на выступе, оставалась незримой для большинства машин и, достаточно огороженная для склонных к горному юмору, гризли. Такое простое место, где можно было выйти размять уставшие ноги или справить нужду, затарившись батончиками и долгоживущей снедью у пуленепробиваемых автоматов. Парковка пульсировала, не давая больше никаких сведений, и катафалк медленно въехал на территорию заповедника цивилизации.

Майя заглушила мотор, вслушиваясь в тишину, таким образом, пытаясь определить причину своего здесь нахождения. Оглядев машину изнутри, она подозрительно открыла дверцу и выбралась... Пусть – на свет божий. В лучах вечер-

него солнца, оживлённая скептически оглядела окружающий её вид.

Живой мир: щебетание далёких лесных птиц, боящихся привлечь орлов на громкие песни, треск покачивающихся елей, полупустая горная парковка – красота и покой. Но что же она здесь делала?

Покрутившись, Майя захлопнула дверцу скрипнувшей машины и прошлась вперёд – так сказать, для детальной разведки местности. Она насторожилась – речь шла о местности, что притихла с её появлением. Поступь мёртвой была почти неслышной оттого, что бывалый горный асфальт поглощал звуки, для заложенной аккуратности, даже впитывая дождевую воду.

Облачённая в дешёвое подобие чёрной кожи, «сложная душа» прислушивалась к треску крон деревьев и к атмосфере горной тишины. Эмоциональный зов прервался, и в голове больше не было ниточек, что с движениями привели бы к убегающему клубку. Сейчас существовала только парковка и тишина, наверно очень большого, неба. На него взгляд мёртвая не поднимала: и шею жако, и ожидаемых проблем не хотелось.

Побродив по границам и осмотрев три автомата со снеками, она взгромоздилась на помятый капот машины и принялась сортировать все фантики из кошелька служащего кладбища.

Когда три пачки: телефоны неверных дев, обёртки жвач-

ных катастроф, размытые белые чеки – были уже собраны, из леса послышались возгласы. Ругалось трое и среди них громче всех звучал женский голос, почти истерично.

Припарковалась Майя в середине, поправ правила приличия и встав на социальную парковку, поэтому заметной для подростков не стала. Скандальные действия тем временем только набирали обороты. Через открытую демонстрацию раздражения стали слышны ругательства и требования прекратить антиобщественные выходки. С разблокировкой машины и командными криками парней, визги девушки только усилились. Майя из свойственного ей любопытства решила взглянуть на делёж, ситуация была неприятная... Девушку вталкивали в машину два высоких парня, а она упиралась, выхватывая всё, за что могла уцепиться.

Мёртвая из солидарности решила вмешаться. Соскользнув с капота, отложила фантики, и направилась знакомиться с жертвой и нападающими. Брюнетка до крови стёрла ладони, всеми силами вцепившись в придорожную лавку и, даже общими усилиями, двое придурков не могли её оттуда отдрать. За свою жизнь она боролась до последнего, это вызвало уважение у мёртвой, и она елеино поздоровалась, перепугав всех трёх:

– Чего делаем, голубки?

Все трое замерли в позах из привычной сцены очень эмоциональной греческой статуи. Майя сняла очки, закрыла души и убрала чёрный аксессуар во внутренний карман,

всё так же не сводя прищуренного улыбчивого взгляда с насильников.

– Мальчики, разве вас не учили спрашивать разрешения перед букетно-конфетным периодом? Кажется, вы вконец запугали девочку, которую поделить не можете...

Ей ответили не остолопы, из-под скамьи пискнула девушка: – Помогите!

Она всё ещё пряталась, прекрасно понимая, что за секунды промедления не успеет добежать до более безопасного места и оставалась жаться под выбранным оборонительным пунктом. Майя задумчиво вскинула бровь, но тут один из парней очнулся и с дарованной ему от природы силой, вмазал заступнице по лицу. Последовало падение тела, визг другой девушки и более грубые действия со стороны двух парней.

Лёжа и глядя на бескрайнее небо, Майя хрустнула шейей, подмигнув самоуверенному солнцу, после чего ловко поднялась. На втором плане всё ещё происходила борьба, а она целенаправленно что-то искала за оградой.

Анна рыдала в голос, молясь всем богам и жрицам о спасении – было страшно, невыносимо, до ужаса. Двое спутников, что следовали за ней от самого города словно сошли с ума: они орали, угрожали и пытались выцепить девушку всеми грязными приёмами. Подошедшая самоуверенная

блондинка попыталась вмешаться, но скрылась, спасая свою жизнь. Ведь участь была ужасна. Не сдаваться, только не отпускать руки – она не хотела себе такой психологической казни, выбирая взамен ей быструю смерть.

Им удалось подцепить её ногу, вытягивая оставшееся тело из-под укрытия. Когда попытки двух сильных разбойников начали венчаться скорбными успехами надежда испуганно орала уже вместе с хозяйкой. Всё – это конец...

– Нет, ну кто так соблазняет? – В гамме криков и ора вновь прозвучал елейный голос девушки, за ним последовал удар натянутого железа.

Неутомленная наигранной вежливостью, Майя подошла ближе, и первый – обративший на неё внимание – ценитель сопротивляющегося женского тела, тухлым мешком грохнулся на асфальт, закатил глаза, и отключился. Второй напарник по подсудному делу развернулся, чтобы понять причину «отхода брата в мир отрубленных», поднял голову и был вырублен чётким ударом наотмашь. Как только силуэт его упал на колени, повалившись набок, взору Анны предстала спасительница.

Блондинка стояла в расслабленной победоносной позе, уложив одну руку на узкое бедро, второй заведя за плечо продолговатую железяку, когда-то служившую этой местности дорожным знаком. Экшена добавляли два поверженных

злодея, валяющихся у её высоченных чёрных каблуков. Волосы развевались, на лице застыла довольная ухмылка – богиня войны и готического стиля.

Незнакомка поставила орудующий предмет на оторванную, покорёженную ножку и со скрежетом асфальта повертела, не показывая рисунок знака. Она искала это приспособление за оградой, быстро окопав в кустах, вернулась на подмогу сестре по гендеру.

Анна, не веря в своё спасение, начала выбираться из-под скамьи, поправляя юбки. Блондинка для неё олицетворялась с ангелом-хранителем, вовремя подоспевшим на подмогу. Своеобразная, конечно, но в свете вечернего солнца особенно возвышенная и утончённая. Анна пока не знала, как далеко была эта блонди от сего олицетворения. Зная бы, не помышляла о невозможном сравнении.

– Спасибо, – брюнетка с дивными тёмными локонами и невероятно голубыми глазами пытаюсь задышать нормально, – Надеюсь, ты их не убила.

Про себя она извинилась перед всевышним за сакральные мысли, ведь на самом деле – хотела им наказания. Желала им участи хуже, чем они планировали ей и молила об этом всех наделённых властью. Это был момент слабости, и за ним пришло раскаяние. Да, она сожалела, но оставаться на месте преступления не планировала. Дурацкое принуждение властей – эти законодательные собрания, ничуть не защищающие женщин. Девушка, что её спасла явно не знала законов

этого штата – напавшую могли посадить за неправомерные действия в адрес парней, то есть за защиту «без состава преступления». Теперь настала очередь Анны её спасать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.